

Сюй Сяочжэнь сидел на диване, тихий, сторбленный, будто ребёнок после строгого выговора. Гу Янь бросил на него взгляд — и внутри всё вспыхнуло. Он начал с раздражения, голос срывался, переходил в крик. Но Сюй поднял глаза — взгляд полный чувств, доверия, незащищённости. И злость вдруг захлебнулась. Повисла комом в груди, не находя выхода.

Гу Янь сел рядом. Взял его руку, перевернул в ладонях, внимательно осмотрел. Голос был хриплым:

— Как ты до этого дошёл? Даже к врачу не пошёл? Я же тебе денег не жалею.

Сюй Сяочжэнь не стал скрывать:

— Тогда подрался с Чэнь Исунем. С тех пор и тянется. Не вылезло — теперь вот так. Но ничего, потерплю. Само пройдёт.

Он заметил, как в глазах Гу Яня вспыхнула тревога, и поспешил успокоить его. Даже улыбнулся:

— Правда, ничего страшного. Я ему тоже врезал. Палкой. У него вся шея красная была — ты бы видел! Я вообще герой. Он еле ноги унёс.

Пять лет. Пять лет Сюй Сяочжэнь жил с мыслью, что Чжоу Янь погиб из-за Чэнь Исуня. Верил, что именно он поставил метку, из-за которой ребёнок родился слабым и не выжил. Он ненавидел его с той глубокой, черной яростью, что приживается не в словах — в самой крови.

Имя. Лицо. Он вбил их в память. Раз за разом прокручивал в голове. Словно бил мёртвого. Так легче было дышать.

Только когда судьба вновь столкнула его с Чжоу Янем, и правда открылась — только тогда эта ненависть начала рассеиваться. Но сожаления не было ни на грамм. После всего, что Чэнь Исунь с ним сделал, даже вечное проклятие казалось бы слишком мягким.

Но ведь человек мёртв уже пять лет. А Сюй Сяочжэнь не из тех, кто держит обиду до гроба. В его памяти не было места для грязи — только для того, что действительно важно. За полтора месяца лицо Исуня уже начало стираться. Дай бог, через пару месяцев он и имени-то не вспомнит.

Для Гу Яня это имя было как гнойная рана. Только прозвучало — и лицо его потемнело. Злость, которую он с трудом сдерживал весь вечер, вспыхнула с новой силой.

Серьёзно? Он ещё и помнит, как всё происходило? Какие палки, какие шеи — ещё и рассказывает об этом с довольной улыбкой?

Разве он не знает, насколько Гу Янь ненавидит этого Чэнь Исуна? Мёртвого — и того бы вытащил из могилы, лишь бы стереть с лица земли. Единственный человек, который осмелился ударить его в лицо. Единственный, кому он бы не простил даже в другой жизни.

А этот идиот... знал, что тот на него зарится, и всё равно пошёл и — отдался. А теперь сидит тут, шутит, будто шрам на руке — памятник их любви. Что дальше — расскажет, как нежно тот целовал?

Чем больше Гу Янь думал, тем больше закипал. Он что, мазохист? Или у него привычка — влюбляться в каждого, кто коснётся? Всех помнит, всех жалеет. Ха. Прямо-таки чувствительный. Тонкокожий романтик.

Он прищурился, голос стал хищно тихим:

— Значит, помнишь в деталях, да? Когда это было?

Сюй Сяочжэнь мог бы соврать. Сказать, что не помнит. И всё бы, может, затихло. Но он, как всегда, выбрал честность:

— Примерно шесть лет назад. Июль или август. Он тогда только перевёлся.

Гу Янь резко отдернул руку и усмехнулся — холодно, ядовито:

— Шесть лет, а ты всё хранишь это в памяти. Удивительно. Прямо как у компьютера — всё по папочкам.

Сюй Сяочжэнь не понял, где допустил ошибку. Он действительно не придавал рассказу значения. Просто ответил. Тихо пробормотал:

— Ты сам спросил. Я бы и не вспомнил, если бы не это.

Гу Янь вскочил. Его голос не был громким — но в нём звенела злость, натянутая, как струна:

— То есть теперь я ещё и виноват, что ты о нём вспомнил?

Он навис, будто затмевая собой свет. Челюсть сжата, в глазах — сверкающая обида. Ярость уже не пряталась. Она медленно, методично выходила наружу — капля за каплей.

Эта манера — давить, загонять в угол, бросать обвинения с ледяной усмешкой — была до боли знакома Сюй Сяочжэню. Он не понимал, как Гу Янь может меняться так резко, словно кто-то подкинул дров в топку: секунду назад тишина, и вот уже всё вокруг горит.

Имя Чэнь Исуна сработало как триггер — он снова наступил на мину.

Помолчав, Сюй осторожно потянулся к его руке.

— Это моя вина, — произнёс он тихо. — Он ведь уже умер. Пожалуйста, не злись.

Но Гу Янь выдернул руку так резко, будто его ударили.

— Умер? А ты всё равно его помнишь, да? До деталей. Вот уж чего не ожидал — что ты будешь хранить такие воспоминания.

Напряжение нарастало. Воздух в комнате стал вязким, будто насыщенным чем-то тяжёлым.

Семейный врач, наблюдавший за сценой молча, без лишних слов начал собирать аптечку. Он знал, с кем имеет дело. Наследник с характером мины: сработает не сразу, но потом — с размахом. Так что он тихо выскользнул за дверь, оставив хозяев разбираться с собственными призраками.

А Гу Янь, наоборот, хлопнул дверью с силой. Настолько, что всё в коридоре вздрогнуло. Сюй Сяочжэнь остался снаружи.

Он постучал — сначала нерешительно, потом чуть громче. Но в ответ — тишина. Только где-то внутри что-то с грохотом ударилось о пол.

Он прислонился лбом к холодному дереву. Это чувство... как же давно он его не испытывал. Ему казалось, что Чжоу Янь изменился — стал старше, спокойнее, внимательнее. Иногда даже заботился. Но сегодняшний вечер развеял эти иллюзии. Он не изменился.

Всё так же: стоит оступиться — и Гу Янь замыкается, вспыхивает, хлопает дверьми. И снова приходится искать слова, чтобы загладить то, в чём не виноват.

Когда-то он играл в старый «Сапёр». Чжоу Янь — словно та игра на максимальной сложности. Стоит нажать не туда — и всё, взрыв, конец. Он пытался снова и снова, надеясь пройти до конца. Но всё без толку.

Он и сам не понимал, сколько в этом ещё смысла.

— Чжоу Янь... я был не прав. Открой, пожалуйста.

— Не злись. Я же не со зла...

— Если тебе неприятно, я больше не скажу ни слова. Обещаю.

Голос хрипел. Горло сжало першение. Он говорил в закрытую дверь, а оттуда доносились только резкие звуки — стекло, дерево, керамика. Гу Янь не просто злился. Он крушил всё подряд.

И Сюй Сяочжэнь снова остался один. Перед закрытой дверью.

А в это время Гу Янь крушил всё, что попадалось под руку. Только когда в комнате больше нечего было разбивать, он сел в кресло, скрестив руки, и слушал, как тот за дверью повторяет всё то же.

Одинаковое. Все эти годы — ничего нового. Обещает, что больше не рассердит его — и каждый раз снова. Одни и те же извинения. Даже не похоже, что он и правда сожалеет.

Дверь открылась.

Сюй Сяочжэнь обрадовался. Подумал — всё, простил. Сделал шаг... и тут на голову ему сваливается тёплое, тяжёлое — одеяло.

Гу Янь стоял, опираясь на косяк, руки скрещены:

— Иди отсюда. Найди, где будешь спать. В мою комнату не входи. Подумай, в чём виноват.

Дверь снова с грохотом захлопнулась.

Но больше звуков внутри не было. Видимо, Гу Янь успокоился.

Сюй Сяочжэнь прикрыл глаза, потер переносицу. Что он должен думать? Что он может думать?

Наверное, он просто слишком устал. И слишком хорошо знал Чжоу Яня.

Он всё ещё пытался понять, как его успокоить. Но теперь — без паники, без страха, что он уйдёт навсегда. Просто... тяжело и устало.

Раньше, если Гу Янь крушил что-то в комнате — Сюй Сяочжэнь мог плакать по два-три дня

подряд.

Но теперь он знал: к следующей неделе, если подойти с умом, тот успокоится.

Завтра — занятия, нельзя больше тратить силы на бессонные ночи.

Гостиная не убрана. Он схватил одеяло, устроился на диване. Но там ещё витал запах альф, которые недавно сидели — их парфюм, средства для стирки, что бы это ни было — всё вызывало у него стойкое отвращение.

Он ворочался, не мог заснуть. В итоге — взял одеяло и устроился у двери в спальню. Перед сном написал на табличке: «Я был неправ», нарисовал плачущую собачку и повесил на ручку. Вдруг Чжоу Янь выйдет, увидит, поймёт, как он сожалеет.

Гу Янь в спальне ходил по комнате, нервный.

Сюй Сяочжэнь больше не стучал в дверь!

Сюй Сяочжэнь не продолжал извиняться бесконечно!

Сюй Сяочжэнь даже не плакал!

Он знал, как сильно тот его любит. Не верил, что тот просто устал или опустил руки.

Почему он не продолжает умолять? Почему не пытается задобрить? С чего вдруг он так послушен?!

Из-за Чэнь Исуна? Нет. Ни за что!

Он был уверен: хоть тысячу таких Чэнь Исунь навали — никто не сравнится с ним в сердце Сюй Сяочжэня.

Часы показали полночь. Гу Янь резко распахнул дверь — и сразу увидел: Сюй Сяочжэнь, свернувшись, спит прямо на полу.

Он почувствовал удовлетворение. Прислонился к дверному косяку, любовался.

Снял табличку. Увидел нарисованную мордочку — губы дрогнули в довольной усмешке. Он даже сфотографировал её, а потом повесил обратно.

Сюй Сяочжэнь любит его — как преданная собака любит хозяина. Хоть кричи, хоть бей, хоть прогоняй — она просто тихо устроится ближе всего к двери. И будет ждать.

Гу Янь постоял у двери, выдохнул, затем медленно вернулся в спальню и захлопнул за собой. Лёг на кровать. Ни звать, ни впускать Сюй Сяочжэня он не собирался.

Сделал ошибку — пусть понесёт наказание. Проведёт ночь у двери — будет уроком. Ничего страшного. Переживёт.

Он знал: в сердце Сюй Сяочжэня не осталось ни Исуна, ни тех лет. Там был только он — Гу Янь. С этим у него сомнений не было.

Но всё равно... Услышать из его уст это имя — было как пощёчина. Грязная, липкая. Словно кто-то чужой залез в его вещи, оставил после себя след. Всё, чего касались другие, вызывало у Гу Яня отвращение. Ощущение порчи. Испорченного. А испорченное надо либо выкидывать, либо стирать до бела.

Но он пока не хотел выбрасывать Сюй Сяочжэня. Потому — наказывал. Спрашивал, злился, давил. Чтобы потом сказать себе: «Вот. Заплатил. Можно оставить». Немного грязный? Ну и пусть. Пусть пока останется.

Он знал: это уже второй раз. И будет ещё. Всякий раз, когда из прошлого всплывёт Чэнь Исун — его снова накроет, сорвёт, и он будет крушить.

Но ничего. Сюй Сяочжэнь ведь его любит. Вывернется наизнанку, приползёт с опущенными глазами — только бы услышать прощение.

...

Утром Гу Янь вышел из спальни. Сюй Сяочжэня уже не было — ушёл на занятия. Всё выглядело как обычно, будто ночью ничего не случилось.

Одеяло было выстирано, аккуратно развешено на балконе.

На столе — горячий завтрак. Всё как всегда. Даже больше: на яичнице кетчупом нарисована улыбающаяся рожица.

Чтобы задобрить.

<http://bllate.org/book/14462/1279152>